

К настоящему времени Чу Лянь поняла, что с Хэ Санлангом что-то не так. Однако она все еще не знала, как она вызвала его гнев.

Она толкнула руку, схватившую ее за руку и заговорила жалобно: «Разве вы не можете немного расслабиться? Вы делаете мне больно! Что вы имеешь в виду, откуда я это знаю? Не нужно, чтобы кто-то говорил мне это: любой, у кого есть мозг, сможет это угадать! Если еда, которую отправили, чтобы приветствовать меня в качестве посланника Вдовствующей Императрицы, выглядит так, то что могли бы есть обычные солдаты?»

Хэ Чанди продолжил сверлить ее своим жестким взглядом, даже когда Чу Лянь посмотрела на него щенячьими глазками. И когда она собиралась уже яростно отругать его и начать бороться, он наконец ее отпустил.

В своей прошлой жизни эта нечестивая женщина бросила тень на его сердце, и в нем оставалось огромное количество страха. Теперь, когда он понял, что он как-то начал заботиться об этой злой женщине, то есть, если бы она была действительно Чу Лянь этой жизни, он боялся и не знал. Он был так сильно напуган, что Чу Лянь перед ним исчезнет, только чтобы ее заменила женщина из его предыдущей жизни.

Вот почему его реакция была настолько странной.

Чу Лянь все еще была в неведении относительно причины резких перемен Чанди. Она осторожно потеряла руку и посмотрела на молчаливого сумасшедшего рядом с ней, вся в слезах.

«У меня теперь будет синяк! Хэ Санланг, что вас укусило?»

Когда он, наконец, пришел в себя, первое чувство, появившееся у него в голове, было сожалением. Он не знал, что сказать Чу Лянь, поэтому он склонил голову и позволил своим длинным густым ресницам скрыть его глаза. Только через долгое время он сумел сказать: «Я специально этого не делал».

Чу Лянь закатила глаза и вздохнула.

Она позвала Вэньцин и Вэньлан.

«Помогите мне».

Вэньцин осторожно помогла Чу Лянь подняться. Когда она коснулась руки Чу Лянь, ее хозяйка зашипела от боли. Вэньцин была поражена. Она тайком взглянула на Хэ Чанди.

Чу Лянь выпрямила свои юбки, прежде чем повернуться к ошеломленному Хэ Санлангу, сидящему напротив нее. «Муж, уже поздно. Если я останусь дольше, то к тому времени, как я вернусь в поместье, будет темно.»

Не давая Чанди возможности ответить, она повернулась и приказала Вэньцин и Вэньлан помочь ей в сборах. Она вложила руки в свою теплую муфту, прежде чем снять полог и выйти из палатки.

Судя по тому, как внезапно стала холодна Чу Лянь, каждый мог сказать, что в раю появились проблемы.

Когда Чанди увидел, что Чу Лянь ушла, даже не взглянув назад, выражение его лица стало уродливым. Он сопротивлялся желанию проводить ее. Палатка закрылась. Только после того, как он перестал двигаться, Хэ Чанди поднял руку, готовясь разбить маленький стол, полный еды.

Однако, увидев оставшиеся пшеничные блины и соленое мясо, ему пришлось удержаться. В конце концов, без какого-либо другого способа выразить свой гнев и разочарование, он ударил по печи, стоящей сбоку.

Ярко-красные угли разбросались по всей земле. К счастью, на полу его палатки была только голая грязь, поэтому уголь ничего не воспламенил.

Санланг уставился на горячие угли на земле с темным взглядом в глазах. Он дважды прошелся вокруг палатки в гневе, прежде чем сел на кровать.

Первоначально жесткие, влажные постельные принадлежности превратились в мягкие и теплые. Одеяло из флиса, положенное сверху, было еще более комфортным, чем то, которое он привез с собой из столицы. На одеяле также были вышиты цветы, поэтому он мог сказать, что оно принадлежало женщине.

Хэ Санланг провел рукой по поверхности кровати длинными пальцами, прежде чем проверить внутренности своего матраса. Беспорядок с высушенной травой внутри исчез, замененный мягким шерстяным одеялом.

Когда в его фантазии образ этой нечестивой женщины стиснул зубы и заменил его постельные принадлежности, стараясь для него, - он больше не смог сидеть на месте. Он ударил кулаком в последний раз, а затем схватил свой плащ и выскочил из палатки вдогонку за Чу Лянь.